

Читательская почта отдела искусства «ЛГ», как правило, очень разнообразна. Работа телевидения, театральная перестройка, проблемы кинопроката, страстные письма любителей рок-музыки и не менее страстные письма ее противников, вопросы, адресованные к ведущим режиссерам, актерам, драматургам... В почте последних месяцев часто повторяется имя Андрея Тарковского. Правда, есть в обширной пачке полученных писем несколько откликов, авторы которых протестуют против того, чтобы имя этого режиссера упоминалось в нашей прессе. «Чем руководствовались «ЛГ», помещая некролог по поводу смерти Тарковского?» — спрашивает, например, наш читатель ветеран труда Б. Семенов. Однако большинство полученных нами писем дает ответ на этот вопрос. Н. Прокофьев из деревни Клетино Рязанской области, учитель М. Александров из Ленинграда, С. Русин из Макеевки, бетонщик И. Гусев из Читинской области, Л. Коган из Ленинграда, В. Анялкаус из Каунаса и другие пишут о той роли, какую сыграло в жизни нашего кинематографа творчество Андрея Арсеньевича Тарковского. «Его фильмы всегда были предостережением против фальши, беснечности, бездуховности. Может быть, он, как все подлинные художники, опередил свое время», — пишет музыковед Е. Фидипович из Мурманска. Во многих письмах содержатся и конкретные вопросы. «Можно ли надеяться, что советский зритель когда-нибудь увидит последние картины А. Тарковского, смерть которого является невосполнимой потерей?» — спрашивает москвичка И. Щедровицкая. «В атмосфере той гласности, которая становится нормой для нашей печати, недоумки выглядят странно. Я постоянный читатель «ЛГ», но не помню, чтобы мне доводилось читать в вашей газете о творчестве А. Тарковского за рубежом.

Андрей Тарковский (одно из последних фото).

Расскажете ли вы об этом?» — спрашивает инженер из Минска А. Осинковский. На все эти вопросы мы можем уже сегодня дать ясный ответ. Имя Андрея Тарковского принадлежит советскому искусству. В дни XV Московского международного кинофестиваля в Москве пройдет ретроспективный показ фильмов Андрея Тарковского (об этом сообщено на состоявшейся в Госкино СССР пресс-конференции). Ведутся переговоры о показе у нас снятых А. Тарковским за рубежом «Ностальгии» и «Жертвоприношения».

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию последнее интервью, которое в октябре 1986 года режиссер Андрей Тарковский дал парижскому еженедельнику «Фигаро-магазин» (интервью перепечатывается с небольшими сокращениями).

КРАСОТА — СИМВОЛ ПРАВДЫ...

Последнее интервью Андрея Тарковского

ВОПРОС. Андрей, вы однажды сказали, что чем больше зла на земле, тем больше причин для творчества. И потом вы еще сказали следующее: «Все, что не имеет духовной основы, не имеет никакого отношения к искусству». Вопрос такой: если мы обращаемся, например, к фильму «Андрей Рублев», то находим в нем варварский мир, где герою — или, точнее, святому — удается создать самое прекрасное. Мы больше не живем в грязи, как в XV веке, но наш мир — это тоже мир насилия, жестокости, неуважения к человеческой личности, иррациональные ценности. Так вот, не отражается ли в конечном счете все это на искусстве и духовности?

А. Тарковский. Я думаю, вы говорите о двух разных вещах. Можно, не взывая к искусству и живя совсем обычной жизнью, быть духовным. Или же, занимаясь искусством и будучи творцом, оставаться совершенно чуждым духовности. Разумеется, можно и находиться в поисках духовности.

ВОПРОС. Хотим спросить вас о детстве. Фильм «Иваново детство», ребенок в фильме «Зеркало», мальчик, отбивший колокола, в «Андрее Рублеве» — вспоминаю всех детей, что выведены в ваших фильмах. Очень хотелось бы узнать, какую роль детство, ваше детство, играло в вашем творчестве?

А. Тарковский. Никогда я не разрабатывал тему детства как такового. Сюжетом ни одного моего фильма детство не было. А в последних картинах я совершенно не касался этой темы. Просто единственно подлинные, неискаженные воспоминания, которые могут быть у человека, — это детские воспоминания. Оба моих последних фильма основаны на личных впечатлениях, но не имеют отношения ни к детству, ни к прошлому; они, скорее, касаются настоящего. Обращаю внимание на слово «впечатления». Воспоминания детства никогда не делали человека художником. Отсылаю вас к рассказам Анны Ахматовой о ее детстве. Или к Марселю Прусту. Мы придаем несколько чрезмерное значение роли детства. Манера психоаналитиков смотреть на жизнь сквозь детство, находить в нем объяснения всему — это один из способов инфантилизации личности. Недавно я получил крайне странное письмо от одного знаменитого психоаналитика, который пытается объяснить мне мое творчество методами психоанализа. Подход к художественному процессу, к творчеству с этой точки зрения, если хотите, даже удручает. Удручает потому, что мотивы и суть творчества гораздо сложнее, намного неуловимее, чем просто воспоминания о детстве и его объяснения. Я считаю, что психоаналитические истолкования искусства слишком упрощены, даже примитивны.

ВОПРОС. А тема поиска, поиска истины, душевная жажда (она присутствует почти во всех ваших фильмах)?

А. Тарковский. Каждый художник во время своего пребывания на земле находит и оставляет после себя какую-то частичку правды о цивилизации, о человечестве. Сама идея искания, поиска для художника оскорбительна. Она похожа на сбор грибов в лесу. Их, может быть, находят, а может быть, нет. Пикассо даже говорил: «Я не ищу, я нахожу». На мой взгляд, художник поступает вовсе не как искатель, он никоим образом не действу-

ет эмпирически («попробую сделать это, попытаюсь то»). Художник свидетельствует об истине, о своей правде мира. Художник должен быть уверен, что он и его творчество соответствуют правде. Я отвергаю идею эксперимента, поисков в сфере искусства. Любой поиск в этой области, все, что помпезно именуют «авангардом», — просто ложь.

ВОПРОС. Теперь о прекрасном. О нулте красоты, которая воодушевляла всех великих творцов, великих художников, обо всем том, что имело важное духовное значение во всех цивилизациях и веках. Что такое для вас красота?

А. Тарковский. Никто не знает, что такое красота. Мысль, которую люди вырабатывают у себя о красоте, сама идея красоты изменяется в ходе истории вместе с философскими претензиями и просто с развитием человека в течение его собственной жизни. И это заставляет меня думать, что на самом деле красота есть символ чего-то другого. Но чего именно? Красота — символ правды. Я говорю не в смысле противоположности «правда и ложь», но в смысле истины пути, который человек выбирает. Красота (разумеется, относительная!) в разные эпохи свидетельствует об уровне сознания, которое люди данной эпохи имеют о правде. Было время, когда эта правда выражалась в образе Венеры Милосской. И само собой разумеется, что полное собрание женских портретов, скажем, Пикассо, строго говоря, не имеет ни малейшего отношения к истине. Речь идет здесь не о красивости, не о чем-то красивеньком, — речь идет о гармоничной красоте, о красоте потаенной, о красоте как таковой. Пикассо, вместо того чтобы прославлять красоту, попытаться ее прославить, поведать о ней, засвидетельствовать эту красоту, действовал как ее разрушитель, хулиган, уничтожитель. Истина, выраженная красотой, загадочна, она не может быть ни расшифрована, ни объяснена словами. Но когда человеческое существо, личность оказывается рядом с этой красотой, сталкивается с этой красотой, стоит перед этой красотой, она ощущает ее присутствие, хотя бы по мурашкам, которые пробегают по спине. Красота — словно чудо, свидетелем которого невольно становится человек. В этом все дело.

ВОПРОС. В фильме «Андрей Рублев» есть потрясающая сцена, которая разворачивается после разгрома монголами расписанной А. Рублевым церкви во Владимире. Жители города укрылись там, они, колена преклоненные, молятся великолепию рублевских икон. И сам он — среди них. Внезапно монголы на конях врываются в церковь и начинают убивать всех подряд, все иррационально, жечь. Андрей Рублев рядом с невинной немой девушкой. Он простерт в молитве, когда какой-то монгол хватается за плечу, почти ребенка, вскидывает на плечи и тащит насильно. Это кажется Рублеву столь невыносимым, что он, монах-иконописец, хватается топор и убивает монгола. Андрей Рублев убивает человека. Посреди трупов стоит он в церкви. Церковь горит.

И тут, видя весь кошмар, создала ужас содеянного им самим лишь потому, что он — человек, Андрей Рублев решает навсегда отречься от иконописи и дает обет молчания. Феофан Грек писал иконы для бога. Андрей Рублев — для людей. Возникает вопрос: для кого же творит художник? Ставили ли вы перед собой этот вопрос Рублеву?

А. Тарковский. Этот вопрос связан с вопросом о творчестве. Мне кажется, что человеческое существо создано для того, чтобы жить. Жить на пути к истине. Вот почему человек творит. В какой-то мере человек творит на пути к истине. Это его способ существования, и вопрос о творчестве («Для кого люди творят? Почему они творят?») суть вопрос безответный. На самом деле у каждого художника не только свое понимание творчества, но и свое собственное вопрошание о нем. Это соединяется с тем, что я сейчас говорил об истине, которой мы взыскуем, которой мы способствуем нашими малыми силами. Основопологающую роль здесь играет инстинкт, инстинкт творца. Художник творит инстинктивно, он не знает, почему именно в данный момент он делает то или другое, пишет именно об этом, рисует именно это. Только потом он начинает анализировать, находить объяснения, умствовать и приходит к ответам, не имеющим ничего общего с инстинктом, с инстинктивной потребностью создавать, творить, выражать себя. В некотором роде творчество есть выражение духовного существа в человеке в противоположность существу физическому, творчество есть как бы доказательство существования этого духовного существа. В поле человеческой деятельности нет ничего, что было бы более неоправданным, бесцельным, нет ничего, что было бы более самодовлеющим, нежели творчество. Если убрать из человеческих занятий все, относящееся к извлечению прибыли, останется лишь искусство.

ВОПРОС. Хотелось бы задать вам вопрос о созерцании, которое, как мы знаем, является самым главным в жизни монахов и, по-моему, художника тоже. Существует ли, с вашей точки зрения, эстетика созерцания?

А. Тарковский. Под созерцанием я всего-навсего понимаю то, что порождает художественный образ или же мысль, которую мы вырабатываем у себя о художественном образе. Это все совершенно индивидуально. Художественный образ, смысл художественного образа могут вытекать только из наблюдения. Если не основываются на созерцании, то художественный образ заменяется символом, то есть тем, что может быть объяснено разумом, и тогда художественного образа не существует: ведь он уже не отражает человечество, мир. Подлинный художественный образ должен выражать не только поиск бедного художника с его человеческими проблемами, с его желаниями и потребностями. Он должен от-

ИСКУССТВО

ражать мир. Но не мир художника, а путь человечества к истине. Простого ощущения контакта с душой, которая где-то здесь, выше нас, но тут, перед нами, живет в произведении, достаточно, чтобы оценить его как гениальное. В этом — истинная печать гения.

ВОПРОС. Феофан Грек был в некотором роде духовным учителем Андрея Рублева. Вероятно, Андрей Рублев станет духовным учителем маленького мальчика, отбивавшего колокола. Поэтому вопрос: кто, в прошлом и настоящем, были вашими учителями в искусстве и духовности?

А. Тарковский. Было время, когда я мог назвать людей, влиявших на меня, бывших моими учителями. Но теперь в моем сознании сохраняются лишь «персонажи», наполовину святые, наполовину безумцы. Эти «персонажи», может быть, слегка одержимы, но не дьяволом; это, как бы сказать, «божьи безумцы». Среди живущих я называю Робера Брессона. Среди усопших — Льва Толстого, Баха, Леонардо да Винчи. В конце концов все они были безумцами. Потому что они абсолютно ничего не искали в своей голове.

Они творили не при помощи головы... Они и пугают меня, и вдохновляют. Абсолютно невозможно объяснить их творчество. Тысячи страниц написаны о Бахе, Леонардо и Толстом, но в итоге никто не смог ничего объяснить. Никто, слава богу, не смог найти, коснуться истины, затронуть сущность их творчества! Это лишний раз доказывает, что чудо необъяснимо...

ВОПРОС. И последний вопрос — это волнующий многих на Западе вопрос о свободе. Свободе художника. Свободе творчества. Что вы думаете об этом?

А. Тарковский. В высшем смысле этого понятия — свобода, особенно в художественном смысле, в смысле творчества, не существует. Да, идея свободы существует, это реальность в социальной и политической жизни. В разных регионах, разных странах люди живут, имея больше или меньше свободы; но вам известны свидетельства, которые показывают, что в самых чудовищных условиях были люди, обладающие неслыханной внутренней свободой, внутренним миром, величием. Мне кажется, что свобода не существует в качестве выбора: свобода — это душевное состояние. Например, можно социально, политически быть совершенно «свободным», но тем не менее гибнуть от чувства бренности, чувства замкнутости, чувства отсутствия свободы, отсутствия выбора, отсутствия будущего.

Что же касается свободы творчества, то о ней вообще нельзя спорить. Ни одно искусство без нее не может существовать. Отсутствие свободы автоматически обесценивает художественное произведение, потому что это отсутствие мешает последнему выразиться в самой прекрасной форме. Отсутствие этой свободы приводит к тому, что произведение искусства, несмотря на свое физическое существование, на самом деле не существует. В творчестве мы должны видеть не только творчество. Но, к сожалению, в XX веке господствующей является тенденция, при которой художник-индивидуалист, вместо того чтобы стремиться к созданию произведения искусства, использует его для выпячивания собственного «я». Произведение искусства становится выразителем «я» его создателя и превращается, как бы сказать, в рупор его мелких претензий. Вам это известно лучше, чем мне. Об этом очень много писал Поль Валери. Наоборот, подлинный художник, а более того — гений являются рабами дара, которым они наделены. Они обязаны этим даром людям, питать которых духовно и служить им были избраны. Вот в чем для меня заключается свобода.

Перевел с французского Л. ТОКАРЕВ